

Е.В. ТЮЛИНА

ДАРЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ИНДИЙСКОМ РИТУАЛЕ (ПО ГАРУДА-ПУРАНЕ)

В средние века имущество человека приобретает особую сакральную значимость, что связано с развитием обрядов, в которых дарения играют важнейшую роль. В текстах, посвящённых осмыслению ритуала, появляются многочисленные модификации древнего представления о том, что имущество – это «второе тело» человека. Дарения бытовых предметов, которые так или иначе связываются с образом тела, приходят на смену другим, более древним формам ритуала. Наличие богатства, заключающего в себе «силу дара» (GP II.14.18), начинает рассматриваться как одно из важнейших условий накопления религиозных заслуг. Материальный достаток превращается в своего рода добродетель, нищета, не дающая возможности совершать дарения, начинает связываться с грехом¹.

Для данной работы в качестве источника выбрана Гаруда-пурана (ГП), предоставляющая для изучения ритуала дарения уникальный материал. Особенно в этом отношении интересна её вторая книга – Претаканда, где собраны и подробно описаны обряды, предполагающие пожертвование предметов и относящиеся, как правило, к поминальному циклу. ГП – это типичный памятник средневековой культуры. Она является одним из авторитетнейших индуистских (вишнуитских) произведений. ГП дошла до нас в нескольких вариантах. Для исследования использована редакция², лежащая в основе издания GP (Calcutta, 1890). В силу своей компилятивности пурана датируется лишь приблизительно: наиболее древние части – IV–VII вв., составление сборника – IX–X вв.³ Отдельные изменения продолжались и в более позднее время, что было вызвано принципиальной открытостью пураны, предполагающей по мере расширения знаний о мире подключение всё новых и новых текстов к уже существующему своду. Благодаря этому в ГП сосуществуют и отрывки из древних традиционных текстов, и более поздние их толкования, и описания новых обрядов, построенные по древним моделям, а также философские спекуляции, объясняющие глубинный смысл ритуала. Все они составляют единый текст, и грань между ними очень тонка, что создаёт невероятные трудности при датировке. Кроме того, описание обряда не обязательно свидетельствует о том, что он в действительности исполнялся. Оно могло быть цитатой из древнего текста, включённой в произведение для полноты сведений о ритуале, так как пурана носила энциклопедический характер и преследовала цель создания как можно более широкой и подробной картины мирозда-

ния. Однако всё же некоторые особенности мировоззрения и тенденции развития ритуала прослеживаются достаточно чётко.

Прежде чем перейти непосредственно к тому, как трактуются дарения в ГП, хотелось бы обратить внимание на следующее. В древней традиции в ритуальных действиях использовались не вещи в бытовом понимании этого слова, а утварь, служившая для совершения разнообразных обрядов. В качестве примера можно привести описание похоронного ритуала в Ашвалаяна-грихьясутре, одной из древнейших грихьясутр, составленной около середины I тыс. до н. э. В этом памятнике рекомендовалось соответственно членам тела, приготовленного для кремации, раскладывать личные жертвенные принадлежности умершего. В правую руку умершего рекомендовалось положить деревянную ложку «джуху», служившую для возливания жертвенного масла в огонь; в левую – ложку «упабхрит»; на правый бок – деревянный меч «спхья», использовавшийся при жертвоприношениях; на левый – ложку, которой совершались агнихотры; на грудь – разливную ложку «дхрува»; на голову – миски; на зубы – камни для выдавливания сомы; на ноздри – деревянные ложки «срува», использовавшиеся для возливания топлёного масла; к ушам – сосуды, в которые кладётся жертвенная пища для брахмана; на живот – сосуд патри, использовавшийся для сбора пищи перед жертвоприношением, а также сосуд, в который кладутся отдельные части жертвенной пищи. На половые органы – деревянный гвоздь «шамья», на бедра – куски дерева для ритуального добывания огня, на голени – ступку и пестик, на стопы – корзины (ĀśvGS IV.3.1–16). Само же тело помещали на шкуру чёрной антилопы.

Перед нами своеобразное изображение человека, где каждому органу соответствует определённый жертвенный предмет, использовавшийся умершим при жизни в его повседневной практике домохозяина. Все предметы являются как бы обозначениями, какие обязанности входили в круг его деятельности. Причём все они в своей совокупности составляют «сумму» того, что считалось наиболее существенным в деятельности человека. Мы видим, что явный приоритет при этом отдаётся именно жреческой деятельности. Кроме того, хотелось бы особо подчеркнуть, что эти предметы оказываются соотнесёнными именно с человеческим телом и все они являются инструментами жертвоприношения. Мы привели в пример этот отрывок из Ашвалаяна-грихьясутры (АшвГС), чтобы оттенить особенности мировоззрения, отражённого в Гаруда-пуране, и показать те изменения, которые произошли к тому времени.

Индийская ритуалистическая культура подразумевала неукоснительное следование традиции. Любые изменения происходили чрезвычайно медленно и становились очевидными лишь спустя огромный отрезок времени. Этим определяется сравнение в статье таких разных по

времени создания памятников, отстоящих друг от друга более чем на тысячелетие.

Если мы обратимся к похоронному ритуалу, то увидим что в Гаруда-пуране, так же как и в более древних текстах, в ритуале наиболее часто использовались предметы, которые так или иначе были связаны с деятельностью покойного. «Для подаяния используется всё, что раньше принадлежало умершему – одежда, которую он носил, посуда, повозка и всё, что больше всего любил» (GP II.24.62–63). Следует подчеркнуть, что, если в АшвГС в ритуале использовались жертвенные предметы, то в ГП жертвуются вполне «светские» вещи – личные бытовые предметы, и это является существенным отличием.

В АшвГС перед кремацией соответственно членам тела человека рекомендовалось раскладывать члены жертвенной коровы Анустарани (AśvGS IV.20–25), которая, согласно верованиям древних, переправляла умершего в мир смерти. И жертвенные предметы, и части коровы сжигались вместе с умершим, т. е. приносились в жертву стихии огня и таким способом как бы растворялись во вселенной: каждая часть тела человека и коровы, а также соответствующие им жертвенные предметы, оказывались соотнесёнными с различными элементами мироздания и стихиями. В ГП жертвование предметов превращается в дарение. Мало того, даже приношение в жертву коровы, расчленение которой некогда было прообразом создания вселенной, становится дарением, отдачей некоторой части имущества.

Показательно, что при таком способе совершения ритуала человек не общается с мировыми и космическими стихиями, а вступает в своего рода «товарные» отношения с потусторонними силами. При описании обрядов в тексте приводятся точные указания, что и за какие дары можно получить. Например, дарение кровати даёт возможность ехать на тот свет в колеснице (GP II.8.9). В результате дарения зонта возникает тень, спасающая от зноя. Благодаря пожертвованию сандалий человек «получает возможность верхом на лошади проехать ужасный, наполненный колючками и камнями лес, в котором [у деревьев] мечеобразные листья», а пожертвование брахману сидения и сосуда приводит к тому, что умерший «будет безмятежно наслаждаться едой во время долгого пути» и т. п. (GP II.8.17–25). Представление об обмене между тем и этим мирами, происходящим в результате жертвоприношений, уходит в глубину веков. Однако в отличие от более древних ритуальных текстов, адресованных высокообразованным представителям высших каст, ГП следует народной традиции. Толкование ритуала становится крайне упрощённым и сопровождается повествовательным описанием пути на тот свет и тех благ, которые приобретаются в результате дарений.

В тексте также проявляется повышенное внимание к тому, какие дары следует дарить, в каком количестве и в каких случаях. Они различаются в зависимости от возраста и пола человека. Для того, у кого «маленькая карма, нить жизни была короткой и кто жил в очень маленьком теле», т.е. для младенца, полагались небольшие пожертвования (GP II.15.10). «Личной принадлежностью» младенца считалось молоко. Если он умирал, молоко раздавалось детям. Дары увеличивались пропорционально росту ребенка. Если он был постарше (кумара), детям дарили угощение и одежду (GP II.15.6). Подарки детям продолжались до тех пор, пока умершему не исполнялось пять лет (GP II.15.11). После этого субъектами дарений становились брахманы. Именно они считались представителями мира предков в поминальных обрядах, воплощениями отца, деда и прадеда умершего. Их угощали, им делали большие пожертвования и приношения светильников (GP II.15.18). Благоприятным для посмертной судьбы считалось дарение брахману, «отцу семейства», дома со всей утварью, разнообразных украшений для ушей, шеи, пальцев и рук, коровы, хижины (GP II.28.25–26). Если умирала женщина, то жертвовали «всё, что при жизни служило ей»: украшения, одежду, которую она носила, сурьму, использовавшуюся для косметики и т. д. (GP II.24.70–71).

Обращает на себя внимание то, что бытовые предметы и украшения, которые используются для дарения, так или иначе соотносятся с различными частями тела, а их жертвование соответствует тому времени, когда, по средневековым верованиям, создавалось новое тело умершего. Смерть понималась как уход из тела, которое сравнивалось с обветшалым домом. Для того, чтобы человек продолжил своё существование, необходимо было создать для него новое тело, что делалось при помощи особых поминальных подношений, так называемых шраддх (*śrāddhāni*). Общий порядок поминальных жертв был таков: первые девять дней совершаются шраддхи в честь умершего, с помощью которых создавалось его новое тело. Основой каждой такой шраддхи было жертвоприношение одной пинды (*piṇḍam*), комка жертвенной пищи, чаще всего риса, и одного сосуда воды. Как правило, в шраддхе полагалось жертвовать три пинды и три сосуда, так как этот обряд был посвящён трём предкам (отцу, деду и прадеду). Эти же шраддхи посвящались только умершему и носили название экоддишта-шраддхи (*ekoddiṣṭaśrāddhāni*).

Считалось, что первые десять экоддишта-шраддх создают новое тело умершего, причём каждое жертвоприношение соотносится с определённой частью тела: «На первый день из пинды возникает голова, шея и горло – на второй, на третий появляется сердце. На шестой и седьмой создаются пояс и сокровенные места. На восьмой день – бедра, на девятый –

голени и стопы» (GP II.5.68–71). Этот ряд жертвоприношений как бы воспроизводит в ритуале образ ведийского первочеловека (Пуруши)⁴. Именно из ведийских гимнов заимствован момент «выстраивания» тела человека, собирание его из определённого количества частей тела и космических элементов (см.: *Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.*, 1987. С. 43–73).

С десятого дня по двенадцатый новое тело набирало силу. В этот переходный период отпускали быка и дарили брахману корову. После этого на тринадцатый раздавали предметы. Таким образом, подарки завершали цикл, в течение которого тело преты формировалось и становилось способным к переходу в мир смерти. Считалось, что именно созданное таким образом тело совершало посмертный путь в виде духа умершего, так называемого преты (*pretah*). Это странствие длилось год, после чего он присоединялся к умершим предкам, которые назывались отцами (*pitarah*), и становился одним из них. Если же обряды не были совершены и умерший оставался без этого тела, то он был обречён на вечные страдания.

Известно, что общее число жертвоприношений ради умершего должно было равняться 16. Это 12 жертвоприношений, о которых речь шла выше, годовая, две полугодовые шраддхи и сапиндикарана (*sapindikaram*), которая соединяла умершего с его предками. При этом подчёркивалась важность именно числа 16. Считалось, именно из стольких частей должно было состоять тело жертвенного животного, что соответствовало традиционному представлению о целостности вселенной (*Gonda J.*, 1965. P. 39; *Семенов В.С.*, 1981. С. 53).

Делать подарки брахманам предписывалось на тринадцатый день после смерти, т. е. тогда, когда завершалось формирование нового тела из пинд и начинался переход умершего в мир смерти.

Если в древней традиции смерть представлялась как распад на начальные элементы и стихии, то в ГП потусторонний мир напоминает земной. Отголоском древних представлений об изначальном хаосе является лишь представление, что в мире смерти нет привычного порядка, или что там порядок «наоборот»: пространство, отличающееся от земного отсутствием пищи и воды, и страшной жарой, и леденящим холодом, ярким солнцем или, наоборот, крошечной тьмой. Дорога в том мире не облегчает путь, а, напротив, затрудняет его, так как покрыта острыми камнями и растениями с шипами. Однако всё оказывается легко поправимым с помощью раздачи соответствующих даров.

Среди подарков, обязательных для раздачи брахманам, выделяется группа из предметов пада (*padam*) – наиболее древних объектов поминальных приношений. Чаще всего рекомендуется совершать дарение семи предметов. На смысл обряда может пролить свет традиционное их название. Одним из многочисленных значений слова «пада» – является «шаг».

Семь шагов (*saptapadāni*) играли важную роль в ритуале. Именно семь шагов делали жених и невеста вокруг костра во время брачной церемонии. Как мы увидим ниже, в похоронных и свадебных обрядах наблюдаются некоторые параллели. Здесь же следует отметить, что вряд ли было случайным название «шаги» для предметов, которые могли выступать как обозначения пути и дарились именно в то время, когда умерший, по средневековым представлениям, отправлялся в странствие на тот свет.

Предметы, передаваемые брахману, таковы: зонтик, сандалии, одежда, перстень, кувшин для воды, сидение, сосуд (GP II.8.16). Иногда называются и другие предметы.

Гаруда-пурана даёт уже позднее, упрощённое объяснение смысла таких дарений. Дарение зонта вызвано тем, что на том свете ужасный зной, а в результате такого подарка возникает усладительная тень, дающая возможность умершему выдержать это испытание. Пожертвование сандалий соответствует путешествию через страшный лес из деревьев с мечеобразными листьями по дороге, покрытой колочками и камнями. Оно якобы давало возможность умершему проехать сквозь него верхом на лошади. Если брахману отдавали сидение и сосуд, то умерший получал возможность наслаждаться едой на отрезке пути, где не было воды и пищи. Дарение кувшина для воды спасало от жажды (GP II.8.17–22). Рекомендовалось также жертвование светильников, так как в результате этого становился освещённым тот отрезок пути, где дорога была «тёмной, очень страшной, полной собак, лишённой примет» (GP II.8.6). Видимо, первоначально дарение светильников было связано с почитанием звезд, а обряд символизировал движение умершего по ночному небу, по Млечному пути, считавшемуся у многих народов именно тем путём, который вел в потусторонний мир. В Прета-канде отмечается, что жертвователю светильников «достойно почитания наряду с [небесными] светилами. Имеющий светлую душу, он движется, освещая [свой] род и [свой] путь» (GP II.21.7).

Особо хотелось бы остановиться на дарении одежд. Оно, согласно тексту, совершалось для того, чтобы обезопасить путника от «очень страшных, ужасных чёрных и рыжих слуг Ямы» (GP II.22 и 21.19). Т. е. этот обряд явно носит магические функции и служит в качестве оберега от духов, связанных со смертью. В.П. Горан, изучая представления о судьбе, заметил, что в индоевропейской культурной традиции одежда всегда связана с представлением о человеческой судьбе и жизни в образе богинь судьбы – Прях (*Горан В.П.*, 1990. С. 88–89). В частности он описывает древнегреческий обычай, согласно которому родственницы матери ткали для ребенка одежду к его предстоящему рождению, что должно было обезопасить его жизнь. Здесь само собой напрашивается сравнение с дарени-

ем в поминальных обрядах одежды, призванной оберегать жизнь только что возникшего из жертвоприношений «новорожденного» тела.

Магические функции носило и приношение кольца. Оно служило для защиты от слуг Ямы (GP II.8.23). Подобную роль играло жертвование железа, иногда называемого в числе предметов пада. Железо, древнейший, многозначный объект жертвоприношения, в ГП выступает в роли оберега от Ямы. Оно называется средством умиротворения его оружия, служившего для наказания грешников, а именно: топора, палицы, меча и ножа, являющихся иконографическими атрибутами Царя мёртвых.

Таким образом, общий смысл жертвований предметов пада – помочь человеку адаптироваться в незнакомом для него мире. Они как бы гармонизируют тот мир, делают его безопасным и менее враждебным.

Иногда среди предметов пада называются и такие: хлопок, соль, сезам, жертвенный шнур, золото, украшения, семь сортов зерна, поленья для костра и т. д. (GP II.21). Для понимания значения этих предметов интересный материал предоставляет подробное описание жертвоприношения кровати. Оно, подобно вышеописанному, спасало от голода и жары на пути, освобождало от оков и истязаний (GP II.24.64–66).

Жертвоприношение кровати рекомендовалось каждому совершить при жизни. Если же оно не было почему-либо исполнено, родственники обязательно должны были его исполнить на одиннадцатый день после смерти. Этот день был особенно важен для почитания предков: именно тогда кончался период ритуальной нечистоты, совершалась шраддха одиннадцатого дня, отпускался бык, а брахману отдавалась корова, которая в пуранах называлась Вайтарани.

В обряде дарения ложа присутствуют так или иначе все вышеперечисленные предметы. Во-первых, примечателен сам облик кровати: она должна была быть изготовлена из хорошего твёрдого дерева, инкрустирована костью и украшена золотом. Здесь можно провести аналогии с погребальным костром – огненным ложем, собранным из определённых сортов дерева. Эта кровать, «дающая усладу», надушенная благовониями, должна была быть застелена красной хлопковой тканью, на неё клали красивую подушку и покрывало (GP II.24.52). Далее даются следующие рекомендации: «Рядом с ней [кроватью] следует положить бетель, порошок шафрана, камфору, алое, сандал, светильник, сандалии, зонтик, опахало, сидение, сосуд. А также следует с преданностью [пожертвовать] семь видов зёрен и все вещи, которые необходимы для приготовления ко сну: кружку, зеркало, покрывало пяти цветов» (GP II.24.54–55). Кроме этих жертвований ещё подают воду аргхья и пять драгоценностей с неочищенным рисом. В этом перечислении мы видим предметы пада, соотно-

сящиеся с путём на тот свет, растительные мотивы и предметы, используемые для приготовления ко сну. Кроме того, эти действия сопровождалась дарением всего, чем при жизни пользовался умерший: его одежды, посуды, повозки, его любимых вещей (GP II.24.62–63).

Если внимательно прочитать этот отрывок, можно заметить, что этот обряд может иметь как минимум два толкования. Первое из них, что это имитация приготовления ко сну. Но тогда непонятно, зачем спящему сандали, зонтик и другие вещи, никак не связанные со сном. Если же мы вспомним, кому совершались эти подношения, то смысл обряда становится ясным. Издревле в индийской традиции брахманы, вкушающие во время ритуала пищу и принимающие подаяния, сравнивались с огнём (MS III.212). Любое приношение им приравнивалось к огненному жертвоприношению. Эта их «огненность» была результатом знания мантр и вед (MS III.96–98).

Обряд передачи ложа брахману – это имитация сожжения умершего. Тем более, что перед нами не только ложе, а изображение спящего, воспроизведённое с помощью его личных вещей, а кроме того – набор вещей, необходимый для жизни на другом свете. В этой связи можно заметить, что предметы пада не только соотносятся с семью шагами, возможен перевод слова «пада» как «часть». Т. е., предметы пада с точки зрения средневекового сознания могли одновременно иметь отношение и к пути, и к частям человеческого тела. Если сразу же после смерти кремировалось реальное мёртвое тело, то в этом случае «сжигается», т. е. переносится в иной мир, некий искусственно созданный двойник – тело преты, возникшее, как мы помним, из жертвоприношений.

Жертвование кровати, несомненно, имеет древнейшие истоки и связано с архаическим отождествлением смерти со сном, а процедуры похорон – с приготовлениями умершего ко сну. Если человеческое тело предавали земле, то таким ложем для него становилась земля, если кремировали – то погребальный костер, в котором вместе с ним сжигались ритуальные предметы.

В АшвГС существенным элементом обряда кремации, было приглашение взойти на огненное ложе вдове покойного (ĀśvGS IV.2.16–19). Она должна была лечь рядом с мёртвым мужем, чтобы после обряда подняться и стать женой другого человека, чаще всего брата умершего.

Мотив супружеского ложа сохраняется и в обряде дарения кровати. Прежде всего, кровать необходимо отдать именно женатому брахману, отцу семейства (GP II.24.76). Передавая кровать, оказывают почитание не только ему, но и его супруге (GP II.24.57). Рядом с кроватью должно было находиться изображение божественной четы – Хари и Лакшми (GP II.24.53). Это придаёт древнему обряду индуистскую

окраску. Если обряд исполняется не ради умершего, а ради самого себя, жертвователю отождествляет себя с Хари (Вишну), а свою супругу – с Лакшми. Во время обряда произносится следующая мантра, проясняющая смысл ритуала: «Подобно тому, как твоё ложе, о Кришна, в молочном океане никогда не бывает пустым, пусть и моё будет таким же, из перерождения в перерождение!» (GP II.24.58–59). Судя по этому заклинанию, ложе выступало в качестве образа первоначального молочного океана, в котором Вишну множество лет предавался сну. Таким образом, ритуал жертвоприношения ложа оказывался связанным с одним из космогонических мифов.

Дарение кровати могло совершаться и в честь женщины⁵. Следует обратить внимание, что в этом случае огромную роль играют украшения и одежда, которые при жизни служили умершей. Благодаря этому возникают параллели со свадебным обрядом, где важным элементом было дарение невесте украшений и одежды. Причём одежда в свадебном обряде явно носила функции оберега, что ясно видно из соответствующих мантр. Р.Б. Пандей, описывая свадебную церемонию, отмечает, что этот обычай дожил в Индии до наших дней. При передаче невесте нижней одежды традиционно произносилась следующая мантра: «Живи до старости, надень одежду, будь защитницей людей против проклятий. Живи сто лет, полная силы, одевайся богатством и детьми. Благословенная жизнью, надень эту одежду». Верхнюю одежду дарили со стихом: «Богини, которая спряла, которая соткала, которая расправила нити на обеих сторонах, – эти богини пусть оденут тебя ради долгой жизни. Благословенная жизнью, надень эту одежду» (Пандей Р.Б., 1982. С. 179). Совпадения в свадебных и похоронных обрядах объясняются тем, что в том и в другом случае они призваны были содействовать прежде всего плодородию, продолжению и процветанию рода. В случае же похоронного обряда присутствуют также ассоциации смертного ложа со свадебным ложем.

В обряде дарения кровати весь ритуал строится по моделям древних жертвоприношений и является вторичным. Характерно и то, что кровать вместе с другими предметами приносится в жертву не природным стихиям, а их заместителям – людям, посредникам между миром живых и мёртвых. Благодаря этому ритуал оказывается перенесённым из сферы отношений между человеком (микрокосмосом) и макрокосмосом в сферу отношений между людьми, причём именно материальных отношений. Сакральными их делает то, что на них накладываются традиционные схемы ритуала. Обмен предметами оказывается ритуализированным благодаря строгой последовательности действий, определённому времени их совершения, использованию традиционных объектов жертвоприношения, число и набор которых зависит от их значения в ритуале.

Нельзя, конечно, утверждать, что дарение как форма ритуала возникло именно в средние века. Оно известно с древнейших времён. Ещё в ведийской литературе встречается практика почитания брахманов с помощью подарков. Это так называемая дакшина. Но если в древних текстах дакшина и дарения, как правило, являются лишь частью ритуала, включающего в себя и жертвоприношение, то в ГП подаяния и дарения уже выполняют роль самого жертвоприношения, заменяют его. Увеличивается значимость подобных дарений. Например, говорится, что «покровительство убогому, лишённому средств к существованию брахману по очистительной силе не сравнимо [даже] с жертвоприношением коня, сопровождаемым соответствующими подаяниями»; или что «покровительство обессиленному жрецу-брахману [даёт заслугу] не сравнимую [с заслугой, полученной] от изучения вед и от жертвоприношений» (GP II.31.11–12). А в другом месте после рекомендаций сделать ради умирающего пожертвования брахману зёрен сезама, железа, золота, хлопка, соли, семи видов зёрен, земли и коровы говорится, что даже «великое жертвоприношение ашвамедха⁶ [по значимости] составляет менее одной шестнадцатой [подобного дара]» (GP II.20.18).

Передача брахманам предметов – это условное жертвоприношение или замена жертвоприношения. В пуране оказывается явное предпочтение такому способу совершения обрядов. Требования одаривать брахманов, давать им средства к существованию, щедро оплачивать все услуги встречаются в тексте на каждом шагу и носят навязчивый характер.

Переход к такой форме ритуала выражает изменения мировоззрения, которые наметились ещё в дхарма- и грихьясутрах. Главной тенденцией генезиса ритуала является перенос его из мира природы в мир человека. Развивая те положения упанишад и брахман, которые были связаны с сакрализацией трёх периодов человеческой жизни и соответствующих им «трёх ветвей долга», дхарма- и грихьясутры на первый план ставят «ритуализацию самой жизни». Это приводит к «брахманизации повседневной жизни, к экспансии ритуалистов в область домашних обрядов и частной практики дваждырождённых» (Романов В.Н., 1991. С. 187).

Продолжая эту линию развития культуры, пураны проявляют самое пристальное внимание к повседневной жизни и к человеческой личности, которая в Индии воспринималась не как индивид, а как субъект общественных отношений. При повышенном внимании к поведенческим структурам общества ритуал также оказывается перенесённым в эту сферу. При этом изменяется и сама форма ритуала, и его осмысление в тексте.

Происходит декосмологизация мира, окружающего человека. Если прежде он воспринимался как арена деятельности природных и божественных сил, то теперь – как мир человеческих поступков, а точнее, как зеркало,

отражающее эти поступки. В нём всё обусловлено поведением: рождение в той или иной семье, богатство, бедность, наличие детей, урожайность, приплод скота и т. п. Даже природа в известном смысле – это результат поведения людей, так как рождение в виде животного или растения является наказанием за соответствующие грехи. Само понятие «карма» всё больше и больше связывается именно с правильным поведением в обществе.

Внимание к поведенческим структурам приводит к тому, что не только поведение людей оказывается ритуализированным, но к тому, что многие объекты жертвоприношения соотносятся с определёнными поступками человека и могут быть их заменителями. Так, корова в ГП считается олицетворением суммы благочестивых, дхармических поступков. И если в АшвГС жертвоприношение коровы служит для создания образа жертвы, где человек, жертвенное животное и вселенная составляют единый организм, то в Прета-канде передача брахману коровы, «вместилища добродетели», заменяет реальное выполнение дхармы в жизни. «Если будет пожертвована рыжая корова, исполняющая все желания, в смертный час она освободит душу от всех накопленных грехов, совершенных и в младенчестве, и в юности, и в преклонные годы во [всех] прежних перерождениях, ночью, на заре, в середине дня, после полудня, в сумерках [как бы ни были они совершенны]: действиями, мыслями или словами» (GP II.20.44–46).

Подобно тому, как с помощью пинд создаётся новое тело, в которое вселялась душа после смерти, с помощью дарений как бы создаётся новая карма умершего. Эта искусственная модель кармы должна быть составлена из предметов, которые традиция наделила особым значением.

Все дары можно разбить на следующие группы. Первая – это предметы пада, связанные с дорогой на тот свет. Вторая – предметы, каким-либо образом воспроизводящие облик человека (одежда, украшения и т. д.). Третья – дарения скота. Это не только корова и бык. Если позволяло состояние, рекомендовалось отдать брахману коня и повозку, а также буйволу (GP II.21.14–16). Четвёртая – пища и вода. И пятая – это имущество человека: золото, деньги, земля и жилище. Их жертвование служит уже не для ритуального отождествления человека с макрокосмосом, а для формирования благоприятной кармы умершего. Т. е. они нужны для того, чтобы исправить, восстановить и создать те связи человека с социумом, которые были каким-то образом искажены. Естественно, такое понимание ритуала не могло не оказать влияние на его форму и его трактовку в тексте. Ритуал – это уже не взаимодействие людей с космосом, природными стихиями, а взаимодействие между самими людьми, заключающееся в обмене дарами. Это не космическое событие, не восстановление космоса из хаоса с помощью обряда, это событие социальное, символизирующее ис-

правление кармы, т. е. восстановление, исправление взаимоотношений человека с обществом.

Преимущественная связь дарений именно с культом предков, видимо, объясняется тем, что человек стал рассматриваться прежде всего как часть социума, а не космоса, и его смерть влекла за собой некое его нарушение. Восстановление его требовало такого ритуала, который обращался не к природным и космическим стихиям, а к людям. Для этого лучше всего подходят обряды вроде угощения, одаривания и т. п.

Для создания благоприятной кармы умершего исключительно важно правильное поведение его потомков. Сын, в обязанности которого входило соблюдение шраддх, являлся наследником имущества умершего. Любое взаимоотношение с имуществом, передаваемым по наследству, – это также взаимоотношение с его прежним владельцем, что придаёт жертвованию предметов в поминальных обрядах особый смысл.

Сын и жертва в честь предков, а следовательно, и богатство, имущество, необходимое для жертвы – понятия взаимопереплетающиеся. «Жертва отца – это сыновья, деда – богатство, состоящее из коров, прадеда – золото» (GP II.25.11). Отсутствие богатства и сына – это две наиболее серьёзные причины, из-за которых шраддхи могли быть не исполнены. Бездетным и неимущим рекомендовалось самим исполнить все необходимые похоронные обряды (GP II.4.8). Пожертвованное, говоря словами пураны, «припасённое своими руками», во время этих обрядов сравнивается с богатством, спрятанным в земле (GP II.4.7).

Большое внимание уделялось выбору, кому сделать дарение. Получающий подарки обязательно должен быть брахманом, который, как уже говорилось, с древнейших времён считался воплощением огня. Это должен был быть достойный человек, знающий веды. Только в этом случае пожертвование ему очищало жертвователя от грехов.

Если же дарение делается недостойному человеку, то наблюдается противоположная картина. «Если недостойному отдана корова, то это ведёт дарителя в ад. Низвергается [в ад] и тот, кто принял дары, а также 21 поколение его родственников. [Гибнет и всё] хорошее, что он, получив другое перерождение, делает своими руками» (GP II.4.6).

Уже неоднократно отмечалось, что вещи были как бы продолжением их хозяина, некоторые из них соотносились с определёнными органами человека и с их помощью имитировалось тело умершего. Но это касалось лишь вещей, законно принадлежащих человеку и переданных другому с ритуальными целями. Если же вещи попадали к другому человеку не в результате дарения, а были украдены, то это зачеркивало всё хорошее, что человек совершил и вело к искажению облика в следующем перерождении. Воровство наказывалось либо тем, что человек навечно оставался претой и

терял возможность перерождения (GP II.17.36–37), либо получал низшее перерождение. Как правило, считалось, что человек превращается в то животное, с которым украденная вещь имела какую-либо ассоциацию. Например, тот, кто без приглашения приходит в гости и ест пищу, становится вороной, крадущий плоды превращается в обезьяну, в чатаку – укравший зерно (GP II.34.12, 15 и 18). Чаще всего в тексте осуждаются укравшие золото. В кого только они не превращаются: и в прету, и в крокодила, и в чатаку (GP II.17.36 и II.34.17–18). На тяжесть наказания оказывало влияние не только то, что золото было большой материальной ценностью, а и то, что с древнейших времён ему придавались особые сакральные свойства, имевшие большое значение и в ритуале, и в мифологии.

Так как с помощью пожертвования создавалось новое тело, то любое нарушение ритуала дарения также вело к искажению облика в новом перерождении. Например, горбатым становился человек, подавший брахману испорченную пищу (GP II.34.14).

Огромная роль предметов повседневного обихода в подобных ритуалах дарения приводит к ритуализации имущества вообще, а не только традиционных предметов, использовавшихся в обрядах. В ГП ему придаётся ценность только как объекту жертвоприношения, а не самому по себе: «У него один верный путь – пожертвование, другой же приводит к упадку» (GP II.26.33). Пожертвования имущества, так же как и подарки брахманам, связаны с поминальными обрядами и имели целью его сохранение в будущих перерождениях и на том свете. Часто передача брахману имущества соответствует тому времени, когда, согласно верованиям, душа умершего испытывает наибольшие тяготы на пути Ямы. В таком случаелагается давать средства к существованию неимущему брахману, который подвергается ударам судьбы на жизненном пути (GP II.31.11–12). В этом обряде, подобно тому как это было в шраддхе, брахман выступает воплощением умершего, и облегчение его жизненного пути оказывает благотворное влияние на судьбу преты. Чтобы дать возможность прете беспрепятственно пройти весь путь, рекомендовалось содержать брахмана в течение года (GP II.28.21), что соответствует представлению о том, что этот путь длится в течение года.

Дарение имущества, подобно другим поминальным обрядам, можно было совершить ради себя при жизни. Это делалось во избежание всяких недоразумений: «После смерти всё уходит к другим. Кто [тогда] сделает пожертвование ради сострадания?» (GP II.26.29). Но традиционным было также и совершение этого обряда сыновьями умершего.

Гаруда-пурана, говоря о целесообразности дарений, превращает эти объяснения в развёрнутый сюжет, повествующий о злключениях преты по пути в мир Ямы и о жертвоприношениях, облегчающих их

участь. Они занимают три главы (GP II.5–6 и 8). Путешествие преты проходит через города смерти, которых по одной версии 17 (GP II.5.79–80), по другой – 16 (GP II.6). И то, и другое соответствует уже упомянутому выше представлению о 16 (17) частях жертвенного животного (*Семенцов В.С.*, 1981. С. 53). Принесение животного в жертву было способом отождествления его с космосом; его части превращались в пространственные категории. В данном случае космическое пространство превращается в путь следования из одного города в другой. Прета начинает свой путь с сетований: «Как же я [теперь] получу человеческое воплощение?.. [Лишь] силой великой добродетели можно получить человеческое воплощение. Этого я не достиг, так как, имея имущество, не подавал бедным. А теперь оно перешло всё к другим!.. Кто в счастье и несчастье не был щедрым, кто думал: “Другой подаст!” – [у того] скверный разум!» (GP II.5.83–85). В первом же городе, городе Ямы, он скорбит о своём богатстве, сыне и доме, а слуги Ямы укоряют его за то, что он не оставил себе «запас на дорогу», т. е. не был щедр в дарах. То, что в тексте на каждом шагу подчёркивается важность дарений, свидетельствует о том, что во времена создания пураны предпочтение отдавалось именно такому способу совершения ритуальных действий.

Дарения наиболее полно описаны в восьмой главе Прета-канды. Складывается впечатление, что вся жизнь в городах смерти определяется жертвоприношениями пищи, воды и предметов. Судьба жителей ада зависит от того, приносят ли их родственники жертвы и дары. Если не приносят, мёртвые превращаются в слуг Ямы и «перехватывают у того, кто умер, [пожертвованные ему] светильники, пищу, сосуды» (GP II.8.35).

Наряду с жертвоприношением имущества большое значение придавалось дарению земли. «Пожертвование земли [дословно “таящей сокровища”] приравнивается к пожертвованию золота, перлов с жемчугами и нарядной одежды» (GP II.24.7). Издревле дарение земли было связано с обрядами, целью которых было почитание трёх миров: земли, воздуха и неба. Однако в данном контексте это пожертвование уже утрачивает свой первоначальный сакральный смысл. Оно скорее является пожертвованием ценного имущества. Дарение земли, кроме всего прочего, – это проявление особой связи между родом и участком, которым он владеет. Этим и объясняется роль таких пожертвований в жертвоприношениях предкам. Владелец и земля представляли собой некое единство. Например, царь считался супругом подвластной ему территории и от него зависело её плодородие и процветание. Видимо, этим представлением объясняется утверждение, что «отдавший в дар землю будет царём на небесах» (GP II.20.14).

Как уже говорилось, дары восполняют не только утрату тела, но и изъяны в выполнении дхармы, являются заменой благоприятных поступков при жизни. Поэтому не случайно качества и способности человека упоминаются как нечто однородное с его имуществом. В данном случае пурана продолжает традиции поздневедийской литературы. С нашей точки зрения, это результат мировосприятия, в основе которого лежит осмысление вышеописанных обрядов. Объекты жертвоприношения воплощают в себе такие абстрактные понятия как грех, добродетель, щедрость, набожность. Поэтому и абстрактные, и реальные предметы одновременно являются и знаками, и материальными телами и могут образовывать однородные ряды. Качества человека могут быть переданы подобно предметам, а предметы могут выступать как знаки и воплощения этих качеств. Именно такое мировоззрение и демонстрирует нам пурана. Производя поминальные и похоронные жертвоприношения, потомки умершего как бы проходят в течение года жизненный путь своего родителя. С помощью предметов они перекладывают и упорядочивают всё, что он совершил при жизни, исправляют его жизненные ошибки. При этом создаётся новое тело из подношений пинд и новая добродетель из предметов. Кроме этого, каждое жертвоприношение – это воспроизведённое в ритуале избавление от страдания, так как все они связаны с прохождением умершим городов смерти или адов, служащих для искупления грехов. Покинуть их умершие не могут, пока не исполнены соответствующие обряды, целью которых является улучшение кармы.

Как и все остальные поминальные обряды, дарения способствуют процветанию рода, в особенности – рождению детей. Т. е. прощаясь с умершим и имитируя эту утрату в ряде дарений, воспроизводящих его тело, род ожидает возмещения этой потери в виде вновь рождённых детей. Формирование подобных представлений произошло на основе специфического для древнего общества отношения к подаркам. «Любой дар предполагает взаимность <...>, дарение не имело силы, если не было вознаграждено равноценным со стороны получившего его», – пишет о дарении в средневековой традиции А.Я. Гуревич (*Гуревич А.Я.*, 1972. С. 201). В Древней Индии первоначально дарения также предполагали ответные подарки. И. Хейстерман, исследуя генезис наиболее древней формы дарений – дакшины, приходит к выводу, что она возникла из обычая раздавать дары общине по случаю праздников и торжественных обрядов. Они раздавались всем брахманам, присутствовавшим на церемонии. Поэтому даритель не терял своего имущества, а наоборот, приобретал гораздо больше, так как ожидал получить ответные дары (см.: *Heesterman J.C.*, 1959). В средние века идея взаимности

дара сохранилась в представлениях о том, что всё отданное в руки брахманам возвратится в многократном размере, но не на земле, а на том свете или в новом перерождении. Родственники умершего надеялись также обеспечить свой род благополучием и детьми, свою землю – плодородием.

* * *

Подводя итоги, можно отметить, что в средние века наблюдается превращение некоторых обрядов в ритуализированный взаимообмен подарками. Из сферы ритуала всё больше исчезают природные и космические стихии. Он превращается в ритуализированный взаимообмен между людьми, который выражают вполне бытовые ситуации: плата за проход и безопасность на пути, запас пищи, воды и денег на дорогу и т. д. При этом исчезает свойственное древности отношение к ритуалу обмена как к средству единения с космосом.

Это неразрывно связано с эволюцией представления о человеческой жизни как о жертвоприношении, приведшей к тому, что правила жизни превратились в правила ритуала. Служением дхарме стало считаться правильное поведение в обществе, а имущество человека превратилось в жертвенные предметы, вовлеченные в ритуальные действия. При этом подчёркивается необходимость правильного отношения к нему. Если оно не вовлечено в совершение ритуала, а служит для потакания своим желаниям, то это приводит к адхарме (нарушению закона) и ведёт в ад⁷.

Если рассматривать вышеописанные обряды как отражение мировоззрения, то необходимо обратить внимание на совершенно особое отношение к предметам. Ритуальное значение предметов вытесняет их буквальное, бытовое значение, что является результатом их осмысления и переосмысления в религиозных текстах, и часто имеет несколько искусственный, спекулятивный характер. Вторым важным обстоятельством является сам факт использования предметов в качестве символов и человеческого тела, и таких сложных отвлечённых понятий, как жизнь и жизненный долг. Возможность «опредмечивания» самых разнообразных явлений свидетельствует о механистичности и метафизичности мировоззрения. Характерной для него моделью мира будет такая система, которая состоит из дискретных элементов. Её развитие будет представляться как их соединение и разъединение. Такую «опредмеченность», столь наглядно проявляющуюся в поминальных обрядах и соответствующих текстах, можно увидеть и в описании судьбы и жизни, и в осмыслении истории вселенной, и в истории человека.

Хотя бытовые предметы в ритуале и представляются носителями иного, более возвышенного смысла, но уже само включение их в сферу

ритуала говорит об обытовлении и ритуала, и религии. Эти тенденции в полной мере воплотились в пуранах – кодексах, допускающих включение в них материала, не имеющего непосредственного отношения к религии. ГП относится к так называемым энциклопедическим пуранам, которые представляют собой грандиозные перечисления разнообразных знаний о предметах, образующих одновременно тело вселенной, её историю, а также тело и историю бога, вмещающего в себя мир. При этом способ построения текста соответствует представлению о вселенной как о некоем целом, выстроенном из дискретных элементов, и является порождением того же мышления. Пурана «собрана» из отдельных книг и трактатов, своего рода «предметов», представляющих собой материальное воплощение отдельных граней бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Тот, кто не раздавал подаяний, становится нищим. Нищета порождает грех. Грехи ведут в ад. И снова [человек] рождается нищим, и вновь становится грешником» (GP II.14.19).

² О существующих ред. см.: *Gangadharan N.*, 1972. P. 110–112; *Rocher L.*, 1986. P. 177–178.

³ О датировке см.: *Abegg E.*, 1956. S. 8; *Gangadharan N.*, 1972. P. 143–147; *Rocher L.*, 1986. P. 177.

⁴ Подробнее см.: *Юлина Е.В.*, 1988 и 1997.

⁵ Он описывается так: «Совершив дарение ложа, следует пожертвовать золотую куклу, [изображающую] умершую, шафран, сурьму, одежду и украшения. Здесь должно быть всё, что при жизни служило женщине: украшения, одежда, которую она носила, и т. п. Всё это собрав, надо положить каждый [предмет] на своё место. Затем следует оказать почитание хранителям сторон света, божествам планет и Винаяке [Устранителю препятствий]. Затем мудрый [исполнитель обряда] совершает омовение и облачается в белые одежды. Он берёт в ладони цветы и, стоя перед брахманом, произносит следующую мантру: “Я жертвую тебе, жрец, это изображение умершей вместе со всей необходимой утварью, вместе со всеми драгоценностями. Человеческое “я” [атман] – это [одновременно] Шамбху, Гаури, приносящая благо, Шакра и множество богов. Потому и приносятся в жертву ложе. Пусть атман [умершей] получит успокоение!” Кровать следует отдать учителю или брахману, в том случае, если он отец семейства. Принимая кровать, брахман должен воскликнуть: “Кто дал [мне её]?”» (GP II.24.69–76).

⁶ Ашвамедха (*aśvamedhaḥ*) – жертвоприношение, восходящее к ведийскому ритуалу. Согласно ему, лошадь выпускали на волю и следовали за ней с отрядом из колесниц. При этом завоёвывали все земли, которые проходил конь. В конце года его приносили в жертву.

⁷ «Имеющий сотню хочет тысячу, имеющий тысячу стремится к ста тысячам, владеющий сотней тысяч – к царству, имеющий царство – к господству над всем миром. Ставший властелином [жаждет] божественной сущности. Ставший богом стремится стать Властелином богов, а став Властелином богов, он жаждет ещё более высокого положения, но жадность [его] так и не удовлетворится. Победённые жадностью попадают в ад» (GP II.2.14–16).

ЛИТЕРАТУРА

- Горан В.П.*, 1990 – Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск, 1990.
- Гуревич А.Я.*, 1972 – Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.*, 1987 – К структуре АВ. X. 2: опыт толкования в свете ведийской антропологии // Литература и культура Древней и средневековой Индии. Сб. ст. М., 1987. С. 43–73.
- Пандей Р.Б.*, 1982 – Древнеиндийские домашние обряды. М., 1982.
- Романов В.Н.*, 1991 – Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М., 1991.
- Семенов В.С.*, 1981 – Проблемы интерпретации брахманической прозы. Ритуальный символизм. М., 1981.
- Тюлина Е.В.*, 1988 – Космологические представления в поминальном ритуале экоддишта шраддхи (по Гаруда-пуране) // *Народы Азии и Африки*. 1988. № 3. С. 44–53.
- Тюлина Е.В.*, 1997 – Человек и универсальные принципы вселенной. Комментарий к Гаруда-пуране // *Совершенный человек*. М., 1997. С. 310–330.

- Abegg E.*, 1956 – Darstellung des hinduistischen Totenkultes und Jenseitsglaubens. Berlin, 1956.
- ĀśvGS* – The Āśvalāyanagṛhyasūtra. Trivandrum, 1923.
- Gangadharan N.*, 1972 – Garuḍa-Purāṇa. A Study. Varanasi, 1972.
- Gonda J.*, 1965 – Change and Continuity in Indian Religion. The Hague, 1965.
- GP* – Garuḍapurāṇam. Calcutta, 1890.
- Heesterman J.C.*, 1959 – Reflections on the Significance of the Dakṣiṇā // *Indo-Iranian Journal*. 1959. Vol. 3. № 4. P. 241–258.
- MS* – Manusmṛti. Bombay, 1925.
- Rocher L.*, 1986 – The Purāṇas. – (A History of Indian Literature. Ed. by J. Gonda. Vol. 2). – Wiesbaden, 1986.

